

В РУСЛЕ ДРЕВНЕЙ РЕКИ

Г. Блок

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Роясь из любопытства в макулатуре, скромно ожидавшей новых сборщиков утиля в одной из библиотек нашего города, я заметил запыленную папку из перегнутого пополам листа тонкого картона.

В папке оказались три потрепанных листка, вырванных из какого-то научно-популярного журнала, быть может, пяти- или, быть может, восьмилетней давности. На одной из крайних страничек речь шла о солнце, хромосферных вспышках на нем, о новых вопросах в астрономии. Здесь же была напечатана иллюстрация, показывающая связь вспышек на Солнце с земными явлениями — полярными сияниями, радиопомехами и магнитными бурями. На другой крайней странице под рубрикой «Хочу все знать» в статье «Электрические пути-дороги» рассказывалось о проводниках и изоляторах.

Статьи, одна без начала, а другая без конца, меня не заинтересовали. Прежде чем снова вло-

жить листки в папку и положить ее на прежнее место, я пробежал глазами четыре средние странички. На них был напечатан сразу приковавший мое внимание очерк Г. Блока «В русле древней реки». Из текста глянуло удивительно знакомое лицо пожилого человека с аккуратно подстриженной клинышком бородкой, темными усами и гладко причесанными над высоким лбом седыми волосами. Из-под старинного пенсне смотрели вправо пытливые совсем молодые глаза.

— Профессор Амалицкий? — задал я себе вопрос.— Ну да, он, вот и подтверждающая подпись: «Владимир Прохорович Амалицкий».

Фотография в обрывках журнала явилась тем нервным толчком, который заставил сработать память, восстановить, где, когда и по какому поводу я узнал о В. П. Амалицком и впервые увидел его портрет.

... Это было в Архангельске в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. Я вел литературную работу в об-

ластном радиокомитете, делал фотоснимки для архангельских газет и для областного краеведческого музея. Научный сотрудник музея, неутомимый собиратель материалов, связанных с историей родного края, А. Гасконский однажды поручил мне сделать для музея ряд репродукций с иллюстраций из журналов, книг и со старых фотоснимков.

Журналы и книги постепенно вводили меня в прошлое столетие. И вот перед моей фотокамерой замелькали кадры 1895 — 1899 годов: крутые берега Малой Северной Двины за Заовражем и у Болтинки, группы еще молодых в ту пору дедов и совсем юных отцов сегодняшних колхозников Вотлажмы, поиски таннистых конкреций, сцементированных давлением и временем песчаных футляров, внутри которых могли быть обнаружены хрупкие кости животных из материковых отложений так называемого пермского периода, от которого нас отделяют примерно 250 миллионов лет. Эти кадры были сфотографированы смелым русским исследователем, неутомимым охотником за остатками древних животных и растений профессором Владимиром Прохоровичем Амалицким, в труднейших условиях царизма сумевшим внести огромный вклад в отечественную науку и доказать сходные условия развития

жизни на севере России и... на юге Африки.

Помню, что долго я тогда всматривался с чувством законной гордости в портрет Владимира Прохоровича, отпечатанный на пожелтевшей от времени бумаге, и образ выдающегося русского ученого-энтузиаста-бессеребряника навсегда врезался в мою память.

В беседах рабочих, колхозников, молодежи и учащихся Котласа часто заходит разговор о человеке, заставившем заново переписать главу истории земного шара, обнимающую два с половиной десятка миллионов лет, но известно об А. П. Амалицком немного.

Всеобщий глубокий интерес к замечательному ученому, его поискам, находкам и их значению побудил меня предложить редакции газеты «Двинская правда» для опубликования обнаруженную мной небольшую по размерам, но систематизированную и популярно изложенную работу Г. Блока «В русле древней реки», снабдив ее сохранившимися у меня в архиве репродукциями с некогда напечатанных в иллюстрированных изданиях фотоснимков, сделанных собственной рукой В. П. Амалицкого или рукой его жены, верного друга, спутника и помощника А. П. Амалицкой.

Мое предложение принято. Ниже печатаются первые главы. Последующие главы будут опубликованы в очередных номерах газеты «Двинская правда».

Евг. Соколов.

ВНИЗ ПО СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ

Жители сел и деревень, расположенных в верховьях Северной Двины и по ее притокам, с уважением встречали ученого, пятый год подряд посещавшего их лесной край. Сопровождаемый женой, он всегда приезжал в начале июня, нанимал лодку, куда укладывался легкий багаж — различные инструменты и скромные продовольственные припасы, и отправлялся в странствие по тихим речным дорогам.

Путешественник неизменно держался высокого, подмываемого водой обрывистого берега, зорко разглядывал слоеный пирог напластований и, заметив что-нибудь любопытное, останавливал свое суденышко. С молотком в руке он карабкался по кручам, копался в земле; иногда выковыривал крупные обломки окаменелого песчаника и осторожно раска-

(Продолжение на 4-й стр.)

В РУСЛЕ ДРЕВНЕЙ РЕКИ

(Продолжение. Нач. на 3-й стр.)

лывал их. Осмотр редко радовал его: внутри ничего не было.

Когда опускался вечер, лодка скрывалась в зарослях, над ней натягивали брезентовую крышу, а на берегу раскладывали костер, варили в котелках пищу, кипятили чай. В непогоду или сильную бурю лодку вытаскивали из воды, переворачивали вверх дном, превращали в подобие палатки.

Так в последних годах прошлого века скитался известный русский ученый, неутомимый охотник за остатками древних животных и растений Владимир Прохорович Амалицкий.

Вспоминая свои двинские походы, он рассказывал, что скоро привык к тяготам и неудобствам кочевого образа жизни, привык даже к вьющейся всегда мошкаре. Климат на севере очень здоровый. Ни Амалицкий, ни его жена, Анна Петровна, ни разу не простудились, не захворали, хотя по два-три месяца жили на реке, в постоянной сырости и туманах, проводили недели в пору хюса — северного, пронизывающего ветра, приносящего непрерывные дожди, а в августе, когда температура падала до одного-двух градусов ниже нуля и все покрывал серебристый иней, ночевали в лодке под открытым небом.

Вечером, когда пылал веселый огонь костра, Амалицкий снова и снова возвращался мыслью к тому, что привело его в чащобу северного леса. Поиски костей ископаемых животных — именно здесь и только в определенных слоях земли — стали делом всей его жизни. Он был уверен, что здесь, на Северной Двине, он сумеет доказать свою правоту и развенчать противников — известных ученых того времени. Но вот уже пятый год совершает он экспедиции, а результатов почти нет. С чем приезжает, с тем и возвращается назад. И все же он настойчиво стремился к своей цели.

ЗАГАДОЧНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ЗЕМЛИ

Длинный и трудный путь лежал за плечами Амалицкого. Годы прошли с того дня, когда его, выпускника Петербургского университета, оставили при кафедре и он под руководством великого русского ученого Василия Васильевича Докучаева отправился в первую свою экспедицию — изучать почвы Нижегородской губернии.

Тогда-то он убедился, насколько широко распространены пермские породы на северо-востоке Европейской России.

Материковые отложения пермского периода, последнего периода древней эры, от которого нас отделяет примерно 250 миллионов лет, именовались тогда мертвыми, пустыни: в них чаще всего не удавалось обнаружить никаких органических остатков.

Крупный английский авторитет Мурчисон, а вслед за ним Кайзерлинг нарисовали мрачную картину пермского периода. В то время, утверждали они, континенты представляли собой беспредельные, каменистые, выжженные злым солнцем пространства, кое-где усеянные озерами, солеными и мертвыми. Холодные ветры вздымали чудовищные облака песка, смешанного с солью и пылью. Современные пустыни, вроде Сахары или Гоби, в сравнении с этим адским царством показались бы земным раем. Лишь вдоль узкой полоски берега робко теплилась жизнь, основным царством которой был океан.

В таких-то бескрайних безводных пустынях и в перенасыщенных солью озерах, там, где, видимо, не ползало, не прыгало ни единой живой твари, в течение миллионов лет и накапливались пермские отложения. Вот почему в них ничего не было найдено. Изучать эти отложения — пустая трата времени и сил.

— А почему, собственно, никто не проверит, насколько верны эти утверждения? Возможно ли, что-

бы на материках миллионы лет не существовало жизни? — с недоумением спросил себя Амалицкий. И словно ответом на эти мысли были древние пресноводные моллюски, на которых он наткнулся недалеко от Нижнего Новгорода. Вероятно, подумал Амалицкий, озера на континентах в пермскую эпоху были не только горько-соленые. Невзрачные раковинки, похожие на беззубок, которые и поныне обитают в наших водоемах, оказались прочной нитью в глухом лабиринте прошлого.

Молодому геологу пришла счастливая мысль сравнить нижегородские древние раковинки с пресноводными моллюсками, незадолго до того обнаруженными в пермских отложениях южной Африки. Раковинки походили друг на друга, словно росли бок о бок, словно произошли от одних родителей. Не случайное сходство, а полная тождественность, хотя одни ископаемые моллюски жили в нынешнем Поволжье, а другие — где-то за экватором, в жаркой Африке.

Воодушевленный Амалицкий тщательно обобщил накопленный материал (этот труд был увенчан степенью магистра), и пестроцветные породы окончательно заняли подобающее место в геологическом календаре.

(Продолжение следует)

В РУСЛЕ ДРЕВНЕЙ РЕКИ

Г. Блок

(Продолжение. Начало в № 42)

Имя Амалицкого приобрело вес. Его пригласили занять кафедру геологии Варшавского университета. Энергичный профессор вскоре стал здесь одним из самых популярных педагогов. В своем курсе он развивал учение Чарльза Дарвина о постепенном изменении — эволюции живой природы и передовые идеи создателя новой палеонтологии — науки об ископаемых животных и растениях — Владимира Онуфриевича Ковалевского. Ковалевский решил трудную задачу: исследуя кости древних животных, он установил стройную последовательность развития видов на протяжении миллионов лет.

Амалицкому предстояло дополнить теорию постепенной изменчивости растений и животных новой важной главой.

НА ПУТИ К РАЗГАДКЕ

Многообразные профессорские обязанности не мешали задуманным исследованиям. Амалицкий, продолжая начатые поиски,

направился на север, в Вологодскую и Олонецкую губернии, где изучал пермских моллюсков.

Здесь его коллекция внезапно обогатилась находкой древних папоротников. Отпечатки листьев папоротника в отложениях пермской системы на северо-востоке России. Каким образом попали сюда мощные древовидные растения жаркого пояса, не выносившие ледяного дыхания зимы? Они произрастали на юге Африки, в Индии, в Австралии, но здесь..?

Каковы причины этого, на первый взгляд, невероятного сходства? Ответ напрашивался сам собой. Но он настолько шел вразрез с общепринятым в мировой науке, что казался фантастическим. Нет, не семь раз отмерял Амалицкий, а десятки, сотни раз, прежде чем решился обнародовать свои выводы.

В пермские века, утверждал он, животный и растительный мир отнюдь не был бедным. (Скажем, забегая вперед: ученые впоследствии доказали, что этот

мир был более разнообразным, чем в каменноугольный период, когда в тропических лесах безмятежно размножалось неисчислимое множество видов!). Самое поразительное: жизнь в пермскую эпоху, по мнению Амалицкого, развивалась в очень сходных условиях на севере России и на юге Африки. По всей вероятности, тогда существовала связь между континентами — Северной сушей и Южной — Гондваной (названной по имени индийского племени гондов), частью которой была южная Африка.

Правда, Амалицкий не располагал исчерпывающими данными, но если начать строгие систематические поиски, он ручается за успех. Он предсказывает — да и как тут можно сомневаться! — что на севере будут найдены кости ископаемых животных, подобных южноафриканским. Нужны лишь средства для экспедиций.

Однако мысль Амалицкого о единстве жизни в пермский период на двух, столь отдаленных друг от друга континентах объявили беспочвенной, а его предложение послать экспедицию — опрометчивым. Ему отказали в ассигнованиях.

Тогда он расходует свои сбережения — все, что скопил за

В. П. Амалицкий

★ год. Целиком на его стороне жена, верный друг, спутник, помощник. В протоколах собраний Варшавского общества естествоиспытателей ее имя неизменно фигурирует рядом с именем Амалицкого.

Спор может решить Северная Двина — к такому выводу пришел Амалицкий, когда в 1895

году — тогда ему исполнилось 35 лет — впервые приехал на север. Почему он выбрал верховья этой реки? Во-первых, потому, что там полным-полно пермских отложений, а во-вторых, крутые берега на большом протяжении обрывисты, по ним, как по открытой книге, легко читать историю прошлого Земли.

Первые четыре года не дали значительных результатов. Неумолимо искал ученый стертые следы, оставленные вымершими животными. Недруги посмеивались и за глаза называли его охотником за призраками, а при встрече осведомлялись, чем пополнилась его коллекция, надеясь, что она никогда не пополнится. Природа, казалось, поддразнивает, испытывает его терпение и выдержку. Нельзя сказать, что она нисколько не поощряла его упрямые усилия. Точно нехотя дарила кое-какие доказательства, но предельно скупно.

Наступило, наконец, лето 1899 — предпоследнего года XIX века, и настойчивость ученого была вознаграждена. Награда

(Продолжение на 4-й стр.)

В РУСЛЕ ДРЕВНЕЙ РЕКИ

(Продолжение. Нач. на 3-й стр.)
была вполне заслуженной. Благодаря неукротимому упорству, Амалицкий достиг поставленной цели.

Соколки — неведомый, ничем не примечательный склон Северной Двины у деревни Ефимовское, в двенадцати километрах от города Котласа — в короткий срок принесли краю мировую славу. Палеонтологи всех стран мечтали побывать в этом природном заповеднике, пора-зительном кладбище пермского периода.

СОКОЛКИ

ЛОДКА то и дело приставала к берегу. Амалицкий извлекал из земли глыбы уплотненного песка, внутри которых прятались конкреции. Так называются особые стяжения того же песка, крепко сцементированные, иногда облегающие шершавой коркой, как перчатка руку, хрупкую ископаемую кость.

Но большинство конкреций было пустым. Амалицкий, по его признанию, разбил без проку уйму этих проклятых глыб. Щепня, шутил он, хватило бы на то, чтобы замостить порядоч-

ный участок шоссеиной дороги.

Некоторые конкреции, как и прошлым летом, содержали отпечатки листьев древнего папоротника — глоссоптериса, характерного растения с большими тупыми листьями и выступающими на них прожилками. Они походили на южноафриканские, как отпечатки с одного оригинала. Отгиски по своей четкости казались только что сделанными рукой искусного гравера, как будто они не хранились в земле миллионы лет.

Снова лодка плывет вдоль лесистого берега, километр за километром. Вот опытный глаз ученого заметил выступающую из отвесного склона огромную песчаную чечевицу. Она темнела на светлом фоне полосатых рухляков. Это и были Соколки.

Лодка причалила. На бечевнике — пологой прибрежной полосе — валялось несколько конкреций. Их либо принесла вода, либо они скатились с нависшей скалы.

С величайшей осторожностью Амалицкий разбил одну такую конкрецию, по форме напоминающую шар. Внутри, словно в скорлупе, сидела кость неведо-

мого позвоночного животного, еще одна содержалась в другом обкатанном обломке.

Подобная находка попала ему в руки года за три до того. Возвращаясь домой с севера, он заехал в Нижний Новгород, чтобы ползать по знакомым окрестным оврагам. Поблизости от Оки он нашел несколько позвонков, обломки черепа и зубы зверообразных ящеров. Они принадлежали близким родичам, двоюродным братьям южноафриканского дицинодонта, травоядного, безобидного животного, хотя очень отталкивающей внешности: под клювом у него помещалась пара клыков.

Эти кости и отпечатки листьев с Двины, продемонстрированные Амалицким в Петербурге, поколебали скептиков. Под напором фактов они постепенно уступали свои позиции. И тут Амалицкому удалось выхлопотать малую толику денег. Это было необходимо для исследования Соколков. Облюбованный еще летом прошлого года этот крутой склон оставался неприступным — без значительных земляных работ подобраться к нему было невозможно.

Чечевица-линза выдавалась из почти вертикальной стены, высотой этажей в пятнадцать.

(Продолжение следует).

В русле древней реки

(Продолжение.)

Начало в №№ 42, 43)

Длина чечевицы равнялась ста метрам, высота в центре достигала двенадцати метров. Она находилась почти на одинаковом расстоянии и от верха и от низа склона.

Раскопки начались сверху. Лопатами счищали покрывавшую чечевицу породу и проложили глубокую канаву. Скоро лопаты ударились о толстый слой смерзшихся валунов, среди которых попадались разнообразные стяжения. Однако в них ничего не было, даже отпечатков растений.

Месяц миновал в тревогах и волнениях. И вот наступил памятный день, когда в руках ученого лежала крупная конкреция с заключенным в ней черепом парейазавра — громадного, примерно, в три метра длиной ископаемого ящера. Рядом с головой покоились, также в виде конкреций, хорошо сохранившийся скелет его туловища и конечностей.

Пресмыкающееся ползало на коротких кривых лапах, неторопливо и неуклюже. У него была приплюснутая голова, покрытая костяными пластинками, тело, словно панцирь, защищали костяные бляхи, щеки, вытянутые в разные стороны, свисали точно бакенбарды. Отвислые щеки послужили причиной названия: парейазавр — щекастый ящер. Неповоротливое животное питалось растениями.

Непередаваемое чувство радости и торжества овладело Амалицким: чечевица оказалась подлинным палеонтологическим склепом, сокровищницей, набитой ископаемыми скелетами и костями. Здесь было обнаружено пять полных скелетов, пять разрозненных, множество костей и черепов крупных рептилий — пресмыкающихся и амфибий — земноводных. Таков был итог этого счастливого лета, таков был первый настоящий «улов».

ПОБЕДА РУССКОГО УЧЕНОГО

КРЕСТЬЯНЕ из соседних деревень, помогавшие Амалицкому, шептались между собой, что он, дескать, ищет золотую жилу, и называли раскопки приисками. Некоторые тайком от профессора уносили домой песчаные обломки, накаляя их, пытались ковать или переплавлять, но толку, понятно, не получалось.

Только когда удалось найти череп парейазавра, все убедительно, что Амалицкий действительно охотится за костями вымерших животных. В образной форме он поведал своим помощникам о значении находок, о далеком прошлом нашей плане-

Начало раскопок в Соколках.

(Репродукция).

ты. Это оказалось весьма полезным. Рассказ захватил старых и молодых.

«Интерес к раскопкам, — писал впоследствии Амалицкий, — дошел до того, что рабочие, особенно молодые и грамотные, считали за особое удовольствие работать там, где попадались окаменелости. Спорили за места, сохраняя и представляя мне малейший отбитый кусок... Парейазавров окрестили назарками, находку их встречали бесконечными остротами, как старых знакомых. Разговоры никогда не носили суеверного оттенка. Рабочие и крестьяне, беседа со мной, очень правильно смотрели на дело. Я был вполне доволен и радовался здравому смыслу русского крестьянина».

Умножалось число находок. В середине августа, однако, раскопки пришлось прекратить. Не потому, что все было исчерпано (заметим, кстати, что материала хватило на несколько десятилетий), а потому что все наличные средства были израсходованы.

Всю коллекцию упаковали в шестьдесят четыре больших ящика. Они заняли два товарных вагона и весили тысячу двести пудов.

Богатое собрание пермских ископаемых, привезенное Амалицким в Петербург, произвело впечатление разорвавшейся бомбы. В шутку он говорил, что костей хватило на всех, кто раньше был его противником.

Да, теперь каждый признавал, что материковые отложения пермского периода отнюдь не столь бедны органической жизнью, как считалось на протяжении полувека.

Правота русского ученого стала очевидной. Целую главу истории земного шара, обнимающую два с половиной десятилетия миллионов лет, пришлось переписывать заново. Неоспо-

римыми стали выводы Амалицкого о родственной близости, общности развития флоры и фауны на двух отдаленных друг от друга материках.

Царское правительство, обычно глухое к подобным просьбам, на этот раз вынуждено было удовлетворить ходатайство Петербургского общества естествоиспытателей — отпустить средства на новые поиски. Шум, учиненный газетами, принудил к щедрости.

Амалицкий снова на севере... Ему сопутствует удача. Помимо Соколков, он находит несколько новых кладбищ, где были захоронены ископаемые чудовища. Это — Завражье, Болтинское, Аристово, Кузево, Голодаево и другие.

Собрание фауны пермского периода год от года увеличивалось. Груды извлеченных костей заполняли все помещения, которые арендовал Амалицкий. Но мало извлечь из недр Земли древнюю кость. Надо снять с нее коросту времени, очистить от крепкого, вьезшегося чехла песчаника. Сделать это не так просто, необходимы осторожность, внимательность и почти ювелирная тщательность. Ученый готовит кадры препараторов.

В 1908 году он передает свои коллекции Академии наук. Однако его проект, с которым были согласны Общество естествоиспытателей и Академия, — открыть музей, выставить на всеобщее обозрение плоды многих лет напряженного труда, до революции так и остался неосуществленным.

То, о чем мечтал выдающийся ученый, сбылось при Советской власти, хотя В. П. Амалицкому не довелось дожить до этого времени. Он скончался 28 декабря 1917 года, пятидесяти семи лет от роду.

(Окончание следует)

В русле древней реки

«Кладбище» ископаемых чудовищ с помощью крестьян, дедов и отцов сегодняшних колхозников Вотлажмы, обнаружено. (Фоторепродукция со снимка 1899 г.)

(Окончание.)

Начало в №№ 42, 43, 44).

СЕВЕРОДВИНСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

СЕВЕРОДВИНСКАЯ галерея — под этим названием в Палеонтологическом музее Академии наук СССР выставлены скелеты, — кости и черепа, найденные Амалицким. За зеркальными стеклами и на подставках стоят смонтированные скелеты древних чудовищ. Ни один музей мира не располагает такой блестящей и разнообразной коллекцией животных пермского периода. Это ядро всего обширного академического собрания.

Внимание посетителей привлекают картины, где запечатлены два мгновения миллионнолетней истории бассейна Северной Двины. На одной — общий вид раскопок Амалицкого, на другой — пермский пейзаж, воссозданный учеными по материалам Амалицкого и его продолжателей, советских палеонтологов.

На переднем плане мы видим: только что из прибрежных зарослей папоротниковых деревьев показался и пополз к реке парейазавр. Он не спеша переступает кривыми, как у таксы, лапами. И в этот момент его настиг хищный ящер иностранцевия, названный так Амалицким в честь профессора Петербургского горного института А. А. Иностранцева. Звероподобное пресмыкающееся, метра четыре в длину, было вооружено страшными, похожими на кинжалы, клыками и острыми когтями. Иностранцевия ударом лапы пригвоздила парейазавра к земле, вскопала на него и прикончила свою добычу.

Кроме ящеров-гигантов, в пермский период жили и другие животные, столь же своеобразные и странные. В содружестве

с учеными художники реконструировали — восстановили облик этих необычайных существ.

Большой интерес представляют амфибии. Среди них динозавры, котлассии, сеймурии. Они обитали и в воде и на суше. Крошечная котлассия, как установили ученые, — переходная форма от амфибий к рептилиям, убеждающая в том, что пресмыкающиеся произошли от земноводных. В свою очередь строение ящеров свидетельствует, что они, спустя миллионы лет, дали начало млекопитающим.

Ученые ответили на вопрос, как возникла чечевица Амалицкого.

Некогда здесь протекала большая река, впадавшая в замкнутое озеро, обширное, но мелкое. Видимо, дельта реки распалась на несколько рукавов. В тихих и просторных рукавах оседали мутные глинистые осадки, а в быстрых и стремительных — песчаные. В быстрые притоки уносились трупы животных, их кости, ветви и листья растений.

Текли тысячелетия. Песок, облепивший кости, уплотнялся, в него попадали различные соли, растворенные в воде, которые способствовали окаменению, естественно цементировали песчаные футляры. Роль пресса играли новые наносы, они сдавливали нижележащие слои. Так образовались конкреции, найденные Амалицким.

Советские палеонтологи во всех деталях прочитали увлекательную главу истории Земли, открытую Амалицким. Они продолжили раскопки на Северной Двине и ее притоках, открыли множество новых оригинальных форм, дополнили и развили то, что в одиночестве, наперекор ложным взглядам, начинал смелый исследователь Владимир Прохорович Амалицкий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и закончилась последняя из четырех страничек очерка Г. Блока «В русле древней реки»...

Думается, что многие из читателей испытали чувство патристической гордости, познакомясь с замечательным русским ученым Владимиром Прохоровичем Амалицким, внесшим большой вклад в сокровищницу мировой науки, прославившим Соколки и Северную Двину во всех широтах и увековечившим наш город, назвав одно из интереснейших древнейших животных котлассией.

Быть может, у некоторых читателей возникнет вопрос: исчерпаны ли «до дна» ископаемые сокровища, заключенные в подземных кладовых Севера?

Конечно нет. Они ждут последователей Владимира Прохоровича Амалицкого и других ученых, настойчивых и трудолюбивых людей, которые вновь и вновь прославят открытиями нашу родную советскую землю, наряду с экспонатами для академических собраний обнаружат и поставят на службу семилетке ряд местных полезных ископаемых.

Вероятно, немало находок разной ценности дали бы и походы пылливой, любознательной молодежи по следам В. П. Амалицкого, которые легко организовать под руководством учителей во время летних каникул в школах и положить начало школьным краеведческим уголкам, а затем и будущему Котласскому краеведческому музею.

Об этом, право, стоит подумать.

Что скажете вы, дорогие читатели?

ЕВГ. СОКОЛОВ.

Так выглядели обнаруженные В. П. Амалицким конкреции. (Фоторепродукция со снимка 1899 г.).

Примечание:

Иллюстрирующие очерк Г. Блока фотографии с мест раскопок неверные. Это фотографии не В.П. Амалицкого, а М.Б. Едемского, сделаны в других местах и другое время. Публикатор Евг. Соколов ошибочно связал фотографии с Амалицким. Ошибка затем перекочевала в последующие публикации местной прессы.

Фото 1 «Начало раскопок в Соколках» – взято из публикации: Едемский М.Б. Район распространения песчаных линз в бассейне р. Северной Двины // Труды Геологического музея Академии наук СССР. Т. IV. – Ленинград: Изд. АН СССР, 1928. – Стр. 197-240.
Подпись к рисунку: «Начало раскопок в линзе в Завражских Пустых в 1926 г.».

Фото 2 ««Кладбище» ископаемых чудовищ...» – взято из той же публикации.
Подпись к рисунку: «Раскопки остатков позвоночных на р. Западной Поче в 1924 г.».

Фото 3 «Так выглядели...» – взято из публикации: Едемский М.Б. Северо-Двинская Экспедиция Российской Академии Наук в 1923 г. // Природа, 1923. – №7-12. – Стр. 37-56.
Подпись к рисунку: «Второе скопление групп конкреций, открытых в 1923 г. в линзе в Пустых (Гр. X—XV).».

Оригинальные фотографии В.П. Амалицкого с раскопок в Соколках в 1899 г. можно увидеть в публикации: Амалицкий В.П. Раскопки остатков позвоночных в 1899 г. в пермских отложениях Севера России. – Варшава: тип. Варшавск. учеб. округа, 1900. – 25 с., 5 л. ил..

Медведев А.А., 2023.